

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-07>

МНОГОЯЗЫЧИЕ ПИСЬМЕННОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР

УДК 811.161.3, 811.162.1,
811.512.161, 811.411.21

Ирина А. Сынькова 

Центр исследований
белорусской культуры,
языка и литературы
Национальной академии
наук Беларуси,

Минск,
Республика Беларусь

Михаил В. Тарелко 

Центр исследований
белорусской культуры,
языка и литературы
Национальной академии
наук Беларуси,

Минск,
Республика Беларусь

Аннотация

Белорусские татары вместе с польскими и литовскими составляют одну этноконфессиональную общность. Их предки – татары Великого княжества Литовского (ВКЛ) – оформились в единую этноконфессиональную группу из разрозненных групп тюркских мигрантов на территории княжества в период к. XIV–XVI вв. В результате культурной и языковой ассимиляции появились литовские татары – славяноязычные мусульмане ВКЛ тюркского происхождения. Своеобразный синкретизм культуры белорусских татар наиболее полно зафиксирован в их арабографическом письменном наследии.

Языковое многообразие, представленное в рукописях белорусских татар, отражает конфессиональную принадлежность и сложный путь их историко-культурного развития. Значимыми являются арабские тексты, важные для религиозной деятельности. Большинство тюркских текстов написано на османско-турецком языке, однако есть и тексты, содержащие кыпчакские элементы, а также тексты, вероятно, среднеазиатского происхождения. Тексты на славянских (белорусском, польском и русском) языках в основном представляют собой переводные произведения или короткие комментарии к молитвам на восточных языках, в редких случаях это оригинальные сочинения. В виде отдельных лексических вкраплений в текстах присутствуют персидский, литовский и церковно-славянский языки. Рукописное наследие белорусских татар составляет значительный массив источников XVII–XX вв., исследованных пока в незначительной степени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: белорусские татары, арабографическая письменность, тюркские языки, славянские языки, мультилингвизм

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-07>

MULTILINGUALISM OF THE WRITTEN HERITAGE OF THE BELARUSIAN TATARS

УДК 811.161.3, 811.162.1,
811.512.161, 811.411.21

Irina A. Synkova 

The Center for the
Belarusian Culture,
Language and Literature
researches of the National
Academy of Sciences of
Belarus,

Minsk, Republic of Belarus

Michail V. Tarelko 

The Center for the
Belarusian Culture,
Language and Literature
researches of the National
Academy of Sciences of
Belarus,

Minsk, Republic of Belarus

Abstract

Belarusian Tatars, together with Polish and Lithuanian Tatars, constitute a single ethnoconfessional community. Their ancestors, the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania (GDL), emerged as a distinct ethnoconfessional group from disparate groups of Turkic migrants who settled in the territory of the Grand Duchy between the late fourteenth and sixteenth centuries. As a result of cultural and linguistic assimilation, the Lithuanian Tatars developed into a Slavic-speaking Muslim community of Turkic origin within the GDL. The distinctive cultural syncretism of the Belarusian Tatars is most fully documented in their Arabic-script manuscript heritage.

The linguistic diversity represented in the manuscripts of the Belarusian Tatars reflects both their religious affiliation and the complex trajectory of their historical and cultural development. Arabic texts occupy an important place in this heritage because of their role in religious practice. Most Turkic texts are written in Ottoman Turkish; however, there are also texts containing Kipchak elements, as well as texts that are likely to be of Central Asian origin. Texts in Slavic languages, Belarusian, Polish, and Russian, are mainly translations or brief commentaries on prayers composed in Eastern languages; only rarely do they represent original works. Persian, Lithuanian, and Church Slavonic also occur in the form of isolated lexical elements. The manuscript heritage of the Belarusian Tatars constitutes a substantial corpus of sources dating from the seventeenth to the twentieth centuries, which has so far been studied only to a limited extent.

KEYWORDS: Belarusian Tatars, Arabic script, Turkic languages, Slavic languages, multilingualism

1 | Введение

Белорусские татары представляют собой часть этноконфессиональной общности, которую в научной литературе с XIX в. называли *литовскими татарами*, понимая под *Литвой* бывшее Великое княжество Литовское (ВКЛ). В геополитических реалиях XX века термин «литовские татары» уже становится не вполне корректным. Территория, на которой проживали татары и которая до этого времени на протяжении веков находилась внутри одного государства – будь то ВКЛ, Речь Посполитая или Российская империя – оказалась разделенной границами разных стран: Польши, Литвы, Беларуси. В соответствии с этим разделением возникли обозначения: литовские (уже в более узком национальном значении) татары, белорусские татары и польские татары. Родственные связи, общее историческое прошлое и сегодня еще поддерживают внутри этих ветвей чувство принадлежности к единой этноконфессиональной группе, но сохранению этой уникальной общности угрожают разные внешние процессы. С одной стороны, в сфере общественного сознания и повседневной культуры постепенно накапливаются различия между белорусскими, литовскими и польскими татарами в силу их естественной вовлеченности в социокультурные процессы своих стран. С другой стороны, происходит постепенная утрата культурной уникальности данной этноконфессиональной группы вследствие растворения ее в более широком, полиэтническом мусульманском сообществе в результате увеличения количества мигрантов из других мусульманских регионов, смешанных браков и усиления универсализирующего влияния религиозных правил.

Описывая татарские манускрипты, приходится использовать разные термины для обозначения создателей этих книг: «татары ВКЛ» (для периода до конца XVIII в.) или «татары бывшего ВКЛ» (преимущественно для XIX – начала XX вв.), понимая, что это общее культурное наследие сегодняшних белорусских, литовских и польских татар. Однако при рассмотрении исторических и культурных процессов более позднего времени (начиная с периода после Первой мировой войны) уже возникает необходимость конкретизировать, о каких группах татар идет речь, так как социально-политические и культурные условия в странах их проживания существенно отличались. Вариативность напрямую затрагивала и сферу разговорного языка; в настоящее время это польский язык у польских татар, литовский (и отчасти русский) – у литовских, белорусский и русский – у белорусских татар⁴⁰.

⁴⁰ Белорусские татары старшего возраста, которые до Второй мировой войны обучались в польской школе, как правило, сохранили знание польского языка.

Возвращаясь к названию «литовские татары» как синониму «татары ВКЛ», следует отметить, что в XIX и начале XX вв. этот термин для научных публикаций был максимально релевантен. Прежде всего, он отделял в общественном сознании татар бывшего ВКЛ от других тюркских народов с таким же названием, проживавших в разных регионах Российской империи – в Сибири, Поволжье, Крыму и на Северном Кавказе. На тот момент определение «литовские» являлось корректным идентификационным маркером, напрямую коррелирующим с социокультурными особенностями рассматриваемой этноконфессиональной группы, которая формировалась на территории ВКЛ и – что более важно – в условиях специфического социально-политического уклада. На протяжении длительного периода (от конца XIV и до начала XVII в.) разрозненные группы мигрантов или военнопленных из разных тюркоязычных регионов Восточной Европы оседали в Литовском государстве. Существовавший в ВКЛ де-факто режим религиозной толерантности позволял переселенцам сохранять свое вероисповедание и препятствовал существенным конфликтам и преследованиям на религиозной почве практически до конца XVI в. В рамках единого общества каждая конфессия формировала свой вариант культуры с некоторыми отличиями в сфере ритуальной практики⁴¹.

2 | Языковая ситуация в процессе формирования этноконфессиональной общности татар Великого княжества Литовского (ВКЛ)

Первые два столетия существования татарско-мусульманских общин на землях ВКЛ слабо освещены в исторических материалах. На основе ограниченного числа скудных и фрагментарных сообщений из нарративных источников, к тому же в большинстве случаев значительно более поздних, чем описываемые события, можно приблизительно обозначить период формирования этноконфессиональной группы татар ВКЛ от конца XIV до середины XVII вв. На протяжении этого периода в княжество прибывали отдельные группы переселенцев из разных регионов⁴². Эти группы, видимо, были более или менее крупные, что

⁴¹ Подавляющая часть населения ВКЛ были христиане различных конфессий. Значительные по численности этноконфессиональные меньшинства составляли иудеи (евреи), мусульмане (татары) и караимы.

⁴² Начало татарским поселениям, согласно польско-литовским хроникам, положила миграция большой группы татар, приведенных великим князем Витовтом из Поволжья. Польский автор Ян Длугош в своей хронике описывает это событие в 1397 г. [Tyszkiewicz, 1989: 148]. После сражения под Клецком в 1506 г. пленные крымские татары были поселены в Клецке, Минске и других местах. Известно также про несколько случаев добровольной иммиграции. В середине XVI в. в ВКЛ прибыли две группы переселенцев после завоевания Иваном Грозным Казани и Астрахани [Tyszkiewicz, 1989: 168]. Последняя значительная группа мигрантов прибыла в 1637 г. из Буджака. А. Зайончковский обратил внимание на схожесть названий татарских воинских подразделений (*хоронгв*) – найманская, ялаирская, кондратская – и названий некоторых тюркских племен –

позволяло их компактно размещать в небольших поселениях или в отдельных районах городов, чаще на окраинах. Тюркское происхождение и, возможно, в большей степени общее вероисповедание способствовали установлению связей, в т. ч. брачных, между отдельными общинами и, в конечном счете, слиянию их в единое целое. На протяжении веков исходные этнокультурные (племенные) различия сглаживались. Одновременно переселенцы усваивали формы существования в новом для них социально-политическом устройстве, а также особенности быта и культурные традиции местного населения. Два параллельно развивающихся социокультурных процесса: консолидация внутри татарско-мусульманской общины и интеграция татар в общество ВКЛ – в результате создали достаточно однородную по характеру культуры этноконфессиональную группу *литовских татар*, или татар ВКЛ.

Культурная и языковая ассимиляция с доминирующим славяноязычным окружением, с одной стороны, сделала их частью социального организма ВКЛ, с другой – привела к разрыву с языком и традициями предков, которые некогда переселились на эти земли. Для потомков тюркских мигрантов родным языком становился язык местного населения – сначала белорусский, который доминировал в Великом княжестве практически до конца XVI в., в дальнейшем для некоторых татарских общин также и польский, по мере усиления позиций польского языка в общественной жизни ВКЛ.

Процесс языковой ассимиляции татар практически не задокументирован. Все высказывавшиеся по этому поводу мнения представляют собой предположения в большей или меньшей степени вероятные – от мифов, возникших еще в XIX в. из-за недостаточности исторических источников⁴³, до более серьезных и взвешенных гипотез, опирающихся не только на чисто лингвистические подходы к пониманию языковых процессов, но и учитывающих различные социокультурные факторы, а также известные исторические факты. Среди причин утраты татарами ВКЛ тюркского (кыпчакского) языка в качестве разговорного назывались военная служба, стремление к равенству с местной шляхтой, политическое и религиозное давление, а также тот факт, что именно арабский, а не тюркский язык был языком Священного Писания (Корана) [Woronowicz, 1935: 352]. Главной же причиной, видимо, стала

найман, конграт, ялаир и др. [Zajęczkowski, 1935: 207]. При этом конграт и джалаир были по происхождению тюркизованными монгольскими племенами [Греков и др., 1950: 297–289]. Название рода *найман* встречается среди ногайцев [Баскаков, 1940: 138, 141–142] и других тюркских народов. Кроме того, позднее в этногенезе татар ВКЛ могли принять участие и турки [Zajęczkowski, 1935: 210–211].

⁴³ Автор историко-культурного очерка о *литовских татарах* А. О. Мухлинский объяснял утрату тюркского языка смешанными браками мигрантов с местными женщинами [Мухлинский, 1857: 29]. Вероятно, под влиянием Мухлинского ту же причину перехода татар ВКЛ на славянский язык называли С.М. Шапшал [Szapszał, 1932: 40], А. Зайончковский [Zajęczkowski, 1935: 211] и другие исследователи.

упомянутая выше этническая неоднородность мигрантов и изначального отсутствия у них единого языка [Łapicz, 1986: 52–54]. В сложившейся ситуации белорусский язык использовался не только при общении с местным населением, но и для контактов между представителями разных групп внутри татарско-мусульманского сообщества [Zakrzewski, 2005: 208].

Однако и тюркский язык вышел из употребления у татар не так быстро, как представлялось это А. Мухлинскому, согласно «брачной теории» которого потомки мигрантов уже в первом поколении должны были перейти на родной язык своих славянских матерей. Однако есть основания полагать, что татары ВКЛ продолжали пользоваться разными тюркскими диалектами в качестве разговорного языка внутри отдельных общин достаточно долго. Польский автор Матвей Меховский в начале XVI в. отмечал, что татары, живущие около Вильно (Вильнюса), разговаривают по-татарски [Меховский, 1936: 109]. Вполне возможно, что какое-то знание своего тюркского языка, сохранявшееся даже в XVII в., помогало понимать и турецкий язык. Сегодня известно о двух манускриптах татар ВКЛ XVII в., содержащих перевод Корана на турецкий язык⁴⁴. Изучая письменное наследие татар ВКЛ, С. М. Шапшал еще в 30-е гг. XX в. пришел к выводу, что тюркский (кыпчакский) язык продержался среди потомков мигрантов до конца XVII в. [Szapszał, 1932: 38]. Также высказывалось мнение, что знание арабского, турецкого (а, значит, и татарского) языков могло поддерживаться среди образованной части татар былого ВКЛ даже в XIX в. [Klucz do raju, 2000: 26].

Однако, какова бы ни была реальная ситуация с тюркскими языками внутри татарско-мусульманского сообщества ВКЛ, можно с уверенностью утверждать, что не позднее XVII в. славянский (белорусский и/или польский) язык стал для них основным разговорным и литературным языком. К этому столетию восходят самые ранние из сохранившихся до настоящего времени памятники татарской письменности, которые включают тексты на белорусском и польском языках. Существование славяноязычной литературы в более ранний период – на сегодня вопрос дискуссионный, хотя некоторые исследователи-слависты предполагают, что она возникла еще в XVI в. [Антонович, 1968: 12; Łapicz, 1991: 155]. К этому также можно добавить замечание Ш. Акинер о том, что татары пользовались белорусским языком «с легкостью и уверенностью природных носителей» [Akiner, 2009: 356–360].

По причине недостаточности внешних свидетельств именно письменные памятники татар ВКЛ являются основным источником информации об их языке начиная с XVII в. При

⁴⁴ Более подробно об этом ниже.

этом изучение письменного наследия татар ВКЛ и их потомков – белорусских татар – позволяет представить языковые процессы, происходившие не только в среде татар, но и в окружающем их обществе, так как их разговорный язык в значительной степени определялся общей языковой ситуацией. Белорусско-польская диглоссия, установившаяся в княжестве, при неуклонном усилении позиций польского языка на протяжении XVII–XIX вв. по-разному проявлялась в различных социальных группах. Проживание в городе или сельской местности, сословная и конфессиональная принадлежность, социальный статус, уровень образования определяли доминирование белорусского или польского языка в каждой конкретной группе. При этом оба языка, взаимно влияя друг на друга, претерпевали изменения. Белорусский язык вобрал много полонизмов, многие из которых сохранились до настоящего времени. Польский язык в ВКЛ отличался от того, который существовал в Польском королевстве.

3 | Языки письменных памятников белорусских татар

Белорусские татары получили от своих предков – татар ВКЛ – обширный фонд рукописных книг и продолжили традицию религиозной письменности вплоть до начала XXI века. В рукописных книгах XVII–XXI вв. можно встретить тексты на арабском языке, нескольких тюркских и нескольких славянских языках. Многоязычие белорусско-татарской письменности отражает социокультурные реалии, в которых оформлялась и разворачивалась история рассматриваемой этноконфессиональной группы.

3.1 Арабский язык

Конфессиональная принадлежность обусловила присутствие в рукописном наследии белорусских татар арабоязычных текстов. Прежде всего, это манускрипты, содержащие источник вероучения – Коран, а также различные тексты, связанные с ритуальной практикой (*дуа*, *ниеты* и др.). Татарская школа, какой она описана в XX в. и какой, вероятно, была также ранее, знакомила не только с основами вероучения и религиозной морали, но и с арабской письменностью и вырабатывала навыки чтения и письма арабографического текста, независимо от языка, на котором он был написан. Изучение арабского языка в программу не входило, и для подавляющего большинства белорусских татар как в прошлом, так и в настоящее время этот язык был непонятен. Необходимые для намаза молитвы выучивались наизусть. В других случаях, в рамках того или иного ритуала, соответствующие тексты просто зачитывались вслух с листа из своеобразных молитвенников – *хамашлов*. Для знакомства с содержанием Корана создавались переводы. Этого было достаточно для основной массы верующих, которые свою исламскую идентичность актуализировали преимущественно

посредством участия в ритуальной практике и поддержания культурных традиций, сопровождающих религиозный календарь.

Тем не менее среди татар ВКЛ, несомненно, были и знатоки арабского языка, например, те, кто переводили с арабского языка Коран и литургические тексты [Suter, 2004: 35]. Современные исследователи не исключают, что татары могли быть авторами некоторых произведений компилятивного характера на классическом арабском языке [Drozd, 1999: 47, 70; Drozd, 2000: 19].

3.2 Тюркские языки

Принимая во внимание историю становления белорусско-татарской этноконфессиональной группы, можно было бы ожидать, что письменное наследие белорусских татар сохранило тексты на языках их предков. Однако реальная ситуация с тюркскими языками в белорусско-татарских рукописях намного сложнее и проблематичнее.

3.2.1 Проблема языка тюркских мигрантов в ВКЛ

Предки белорусских татар начали прибывать в XIV в. на земли Великого княжества Литовского с территории обширного полиэтнического государства Золотая Орда. Среди переселенцев могли быть представители различных этносов⁴⁵, населявших просторы этой державы, включая носителей монгольского языка. Но большинство мигрантов говорило, предположительно, на диалектах кыпчакской группы тюркских языков. Такое мнение высказывалось достаточно давно [Александрович-Насыфи, 1927: 150], и эта точка зрения вполне согласуется с историческими реалиями: известно, что кыпчаки составляли основную часть тюркского населения Золотой Орды. В подтверждение этой гипотезы исследователи ссылались на кыпчакский характер некоторых тюркизмов, сохранившихся в языке татар бывшего ВКЛ [Zajęzkowski, 1935: 204–205, 214; Дубинский, 1972: 85, 88]. Однако высказывались и критические замечания относительно возможности связать эти тюркизмы с конкретным тюркским языком [Woronowicz, 1935: 352]. Тем не менее, сегодня гипотеза о кыпчакском происхождении большей части предков современных белорусско-литовско-

⁴⁵ О финском элементе в этногенезе татар ВКЛ упоминал Талько-Грынцевич [Talko-Hryniewicz, 1924: 61, 94, 96]. Кроме того, в конце XIX в. сообщалось о дагестанском происхождении некоторых татарских родов ВКЛ [Tuhan-Baranowski, 1896: 47, 60]. Несмотря на отсутствие подтверждений, это положение было принято некоторыми позднейшими исследователями [Talko-Hryniewicz, 1924: 22, 44, 59, 60, 94; Stankiewicz, 1933–1934: 357; Черенков, 1983: 67]; см. также [Думин, 1991: 41].

польских татар остается основной как наиболее логичная⁴⁶. В качестве разговорного языка эти диалекты, как было отмечено выше, могли достаточно долго сохраняться внутри татарских общин, чему способствовали условия компактного проживания татар на землях ВКЛ. Можно предположить, что до конца XVI в. у них существовала славянско-тюркская диглоссия – тюркский язык или диалект внутри общины, белорусский или польский для бытовой коммуникации с населением княжества или на официальном уровне. И, видимо, только в XVII в. происходит окончательный переход на славянский язык, когда большинству татар ВКЛ становятся непонятны тюркские языки, включая религиозные тексты, важные для сохранения религиозной идентичности. Это неизбежно должно было дать стимул к развитию переводческой деятельности, и в результате у татар начала складываться славяноязычная литература.

3.2.2 Вопрос о присутствии крымскотатарского и казанскотатарского языков в письменном наследии белорусских татар

Исходя из упомянутых исторических фактов относительно этногенеза белорусских татар, близость языка их предков к казанскотатарскому и крымскотатарскому кажется изначально само собой разумеющейся настолько, что эта тема ожидаемо затрагивалась в научных публикациях. Известный российский тюрколог Н. А. Баскаков писал, что «генетически связаны с диалектами крымскотатарского языка также диалекты татар белорусских и литовских», имея в виду под последними, видимо, разговорный язык первых поколений тюркских мигрантов до того, как они полностью славянизировались в языковом отношении [Баскаков, 1969: 282]. Польский исследователь А. Дубинский считал, что казанскотатарский и крымскотатарский языки не могли не повлиять на язык татар ВКЛ [Дубинский, 1972: 86]. О том, что татары ВКЛ знали крымскотатарский язык, писал и другой польский ученый А. Дрозд [Drozdz, 1997: 5]. Безусловным доказательством этих предположений могли бы стать тексты на упомянутых языках в манускриптах татар ВКЛ, но такие свидетельства практически отсутствуют. В свое время российский тюрколог А. Н. Самойлович счел крымскотатарскими тюркские молитвы-*нийеты*, обнаруженные им на одном из листов литовскотатарского тафсира 1857 г. из библиотеки Восточного факультета Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета (шифр 867) [Самойлович, 1926:

⁴⁶ Например, Ч. Лапич называет языком тюркских мигрантов в ВКЛ “совокупность кыпчакских диалектов” [Łapicz, 1986: 33–39].

4]. Однако с такой интерпретацией трудно согласиться ввиду краткости этих текстов и из-за отсутствия в них черт, характерных только для крымскотатарского языка.

В целом можно констатировать, что в составе известных на данный момент науке рукописных материалов белорусских татар ни один тюркоязычный текст не верифицируется однозначно как крымскотатарский или казанскотатарский.

3.2.3 Чагатайский, древнеуйгурский и хорезмийско-тюркский языки

Я. Шинкевич в одной из публикаций описал *хамаил*, с которым познакомился в Слониме. Он отметил, что в этом манускрипте комментарии были написаны не на белорусском или польском языке, как это часто бывает в такого рода книгах, а на тюркском языке, который исследователь определил как чагатайский или восточно-турецкий [Szyrkiewicz, 1935: 141–142]. К величайшему сожалению, дальнейшая судьба этой уникальной рукописи, которую С. Шинкевич назвал «предком всех хамаилов», неизвестна.

Польский тюрколог А. Зайончковский в своей статье, посвященной хамаилу начала XIX в. из фондов библиотеки Варшавского университета, написал, что тюркские тексты в татарских рукописях образуют два пласта: ранний – старобуйгурское или восточнотурецкого происхождения (он считал термин «чагатайский» некорректным для этого языка) и поздний – османско-турецкого. Он объяснял наличие раннего пласта влиянием Туркестана (т.е. Средней Азии) и Золотой Орды в XIV–XV вв., а позднего – влиянием Османской империи в XVI–XVIII вв.⁴⁷ А. Зайончковский привел фрагмент текста на старобуйгурском языке из исследованного им хамаила [Zajaczkowski, 1951: 311]. Позднее этот фрагмент был переиздан российским тюркологом Э. Р. Тенишевым, который определил язык этого фрагмента как хорезмийско-тюркский [Тенишев, 1997: 3]. Однако в польской научной литературе продолжает использоваться термин «чагатайский» [Drozd, 1993: 48], в том числе, по отношению к названному фрагменту. К древнему пласту текстов принадлежат также нийеты к 36-й суре, которые датируются XIV–XV вв. А. Дрозд считает, что корректно все эти тексты называть кыпчакскими, а не чагатайскими или старобуйгурскими [Drozd et al., 2000: 19].

Среди немногочисленных лексем тюркского происхождения, которые сохранились в языке белорусских татар, как минимум одно слово имеет, по терминологии А. Зайончковского, «старобуйгурское» происхождение, – *аджик* («чтение арабографического текста по слогам») [Zajaczkowski, 1951: 312].

⁴⁷ О турецко-османском влиянии, которое с XVI в. пришло на смену золотоордынскому, писал еще С. Крычинский [Kryczyński, 1938: 230].

3.2.4 Османско-турецкий язык

Османско-турецкие тексты составляют, как уже было отмечено ранее, более поздний пласт тюркских текстов в рукописях белорусских татар. В хамаилах встречаются молитвы на этом языке. В некоторых *китабах*⁴⁸ можно найти поэму Мирад-намэ на турецком языке с подстрочным переводом на белорусский [Антонович, 1968: 12; Несцяровіч, 2025]. Тюркский язык этой поэмы отмечен некоторыми архаизмами, которые, по мнению А. Дрозда, присущи османско-турецкому языку до XVI в. [Drozd et al., 2000: 19]⁴⁹.

Известны также два манускрипта, содержащие подстрочный перевод Корана на турецкий язык. Один (к. XVI – нач. XVII вв.) с полным переводом всех сур находится в частном собрании [Drozd et al., 2000: 48]. Второй – Минский тафсир⁵⁰ 1686 г., хранящийся в Центральной научной библиотеке НАН Беларуси (шифр Р214) – содержит турецкий перевод только со 2-й⁵¹ по 18-ю суру (начиная с 19-й суры идет перевод на польский язык)⁵².

Таким образом, можно констатировать, что тексты на тюркских языках в белорусско-татарском рукописном наследии отражают не столько разговорный язык предков белорусских татар, сколько некоторые литературные тюркские языки. При этом подавляющее большинство тюркских текстов написаны на османско-турецком языке. Из него же пришло наибольшее количество специфической лексики в разговорный славянский язык белорусских татар. Британская исследовательница Ширин Акинер, изучавшая религиозную лексику китаба первой половины XIX в., пришла к заключению, что тюркизмы в белорусских текстах этого сборника имеют османско-турецкое происхождение [Akıner, 2009: 345]. Александрович-Насыфи в начале XX в. отмечал, что немногочисленные тюркизмы, сохранившиеся в разговорном языке белорусско-литовско-польских татар, имеют южнотюркскую (т. е. огузскую), а не западнотюркскую (т. е. кыпчакскую) окраску [Александрович-Насыфи, 1927: 5].

После всего сказанного можно считать курьезом обозначение тюркского языка в рукописях татар ВКЛ термином *литовско-татарский* [Дмитриева, 1978: 299]⁵³.

⁴⁸ Китабами (от арабского *kitab* – «книга») в традиционной книжности татар ВКЛ называлась категория манускриптов, содержащих различные произведения, преимущественно религиозно-дидактического характера.

⁴⁹ Об этом произведении см. также [Durgut, 2015].

⁵⁰ В переводе с арабского «комментарий», но в религиозной литературе татар ВКЛ это прежде всего перевод (Корана).

⁵¹ Рукопись повреждена, отсутствуют первые листы.

⁵² Об особенностях турецкого перевода в Минском тафсире см. [Jankowski, 2015: 153–158].

⁵³ Ср. [Иванов, 2003: 174–275], где понятие «литовско-татарский (кыпчакский)» язык включает также армяно-кыпчакский язык. На с. 283 их язык назван «польско-литовско-татарским тюркским (кыпчакским)».

Тюркское языковое наследие в специфической форме сохранилось в ритуальной практике белорусских татар. Еще в 30-е гг. XX в. исследователи обратили внимание на «тюркский способ произношения» арабских слов, который сохранился, несмотря на сотни лет славянского (белорусского и польского) влияния [Woronowicz, 1935: 352]. Своеобразная фонетическая окраска при чтении арабских текстов, в том числе и Корана, сохранилась до настоящего времени у белорусских татар пожилого возраста, тех, кто прошел обучение в традиционных татарских школах.

3.3 Славянские языки

В основном славяноязычные тексты в рукописном наследии белорусских татар представлены в двух видах: переводные произведения с турецкого или арабского языков⁵⁴ и разного рода пояснения и комментарии (к молитвам, ритуалам, знахарским практикам и пр.) в хамаилах. В редких случаях можно предполагать оригинальное творчество белорусско-татарских авторов. Кроме того, исследования выявили проникновение в памятники белорусско-татарской письменности целого ряда текстов славянского происхождения, в частности, переводов Библии на польский язык (Симона Будного 1572 г., Брестской Библии 1563 г., Гданьской Библии 1632 г., Псалтыря Яна Кохановского 1579 г. [Тарэлка и др., 2009], а также других произведений религиозного [Drozd, 1997] или фольклорного [Сынкова, 2012] характера.

Славяноязычные тексты написаны преимущественно на белорусском и польском языках, в очень небольшом объеме – на русском (только в некоторых рукописях конца XIX–XX вв.)⁵⁵. Дискуссионным остается вопрос о присутствии в рукописном наследии татар ВКЛ

⁵⁴ Можно отметить определенное влияние восточных языков на переводные славяноязычные произведения. В переводах с турецкого языка сохраняется в определенной мере структура турецкого предложения. В польскоязычном тафсире (переводе Корана) П. Сутер отметил следование арабскому порядку слов (перевод по принципу “слово-за-словом”) [Suter, 2004: 43].

⁵⁵ После разделов Речи Посполитой и включения белорусских земель в состав Российской империи русский язык начинает проникать в повседневную речь населения бывшего ВКЛ. Это нашло свое отражение в белорусско-татарских рукописях как в виде отдельных русизмов, так и целых текстов. В фондах государственных книгохранилищ Беларуси хранятся два документа, которые содержат арабографические тексты на русском языке: хамаил (к. XIX в., библиотека Белорусского государственного университета культуры и искусства, шифр 329987) и рукописная таблица (к. XIX–нач. XX вв., Гродненский государственный музей истории религии, шифр КП 4736). Известно также о наличии русскоязычных арабографических текстов в некоторых рукописях, преимущественно XX в., из частных собраний.

украинского языка⁵⁶. В составе белорусских текстов изредка встречаются выражения церковнославянского происхождения⁵⁷.

Соотношение белорусского и польского языков в рукописях татар ВКЛ отражает с некоторым запаздыванием общую динамику языковой ситуации в ВКЛ после объединения с Королевством Польским в государство Речь Посполитая (1569 г.). Не смотря на то, что в XVII в. в официальной сфере объединенного государства польский язык уже доминирует, в татарских манускриптах XVII в. еще продолжают превалировать белорусские тексты. На протяжении XVIII–XIX вв. в татарской письменности увеличивается количество польских текстов и становится заметней их влияние на язык белорусских текстов. При этом, как считал А. К. Антонович [Антонович, 1968: 22–23], некоторые польскоязычные тексты представляли собой переводы с белорусского. К тому же заключению пришел Д. Севрук, исследуя памятник османско-турецкой литературы «Джавагиру-ль-ислам» в переводах на белорусский и польский языки [Сеўрук, 2024: 108].

3.3.1 Белорусский язык

Белорусский язык в рукописях белорусских татар представлен преимущественно в диалектной форме. А. К. Антонович выявил в изученных им рукописях тексты на различных говорах юго-западного диалекта белорусского языка, а также на среднебелорусских говорах и полоцких говорах северо-восточного диалекта [Антонович, 1968: 354–355]. Эти выводы и наблюдения можно отнести и к другим рукописным памятникам, открытым и исследованным уже после А.К.Антоновича. Однако в некоторых белорусскоязычных текстах ощущается значительное влияние орфографии старобелорусских кириллических текстов. Наиболее ярким примером является китаб конца XVIII – начала XIX вв. из частного собрания (Тафсіры... 2020, с. 27–30) [Тарэлка, 2011: 33–40].

⁵⁶ История вопроса восходит к А. О. Мухлинскому, который в своем очерке назвал язык одного из опубликованных им фрагментов как “волынско-украинское наречие” [Мухлинский, 1857: 68]. Многие авторы, писавшие после него об украинском языке в рукописном наследии татар ВКЛ, скорее повторяли его мнение [Карский, 1962: 462; Talko-Nrupsewicz, 1924: 56; Самойлович, 1926: 5]. Однако А.К.Антонович своим детальным лингвистическим анализом не только этого фрагмента, но целого ряда манускриптов XVII–XIX вв. доказал, что украинский язык не представлен в рукописях татар былого ВКЛ [Антонович, 1968: 28]. После этой публикации, тем не менее, продолжают звучать заявления об использовании татарами украинского языка в качестве разговорного наряду с белорусским и польским [Wexler, 1973: 43; Векслер, 2004: 51; Danylenko, 2006.], высказывается смелое, но малообоснованное мнение о «волинском происхождении» польского перевода Корана [Темчин, 2020] (критический разбор этой гипотезы см. [Несцяровіч, 2023]).

⁵⁷ Например, с использованием церковнославянского деепричастия настоящего времени, не свойственного белорусскому языку: **w cequščiḥ wādāḥ** “в текущих водах”; **pri cequščiḥ reqāḥ** “при текущих реках”. Ср. также [Akiner, 2009: 99; Несцяровіч, 2025: 188].

Отчетливая диалектная принадлежность (случко-мозырские говорки) белорусских текстов в самых ранних рукописях (XVII в.) (Лейпцигском хамаиле, Казанском китабе, рукописи (шифр 893) из библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского университета) позволяет локализовать ту часть Беларуси, где, видимо, ранее всего оформилась арабографическая письменность на белорусском языке. Это территория современных Глусского района Могилевской области, Любанского и Слуцкого районов Минской, а также Калинковичского района Гомельской области [Антонович, 1968: 117, 129, 171].

Высказывалось мнение о существовании особого татарского конфессионального диалекта белорусского языка [Wexler, 1973: 44–45]. Однако Ш. Акинер пришла к выводу, что татары не создали отдельного языка или диалекта креольского или пиджин типа, а пользовались стандартным белорусским и польским языками. По ее мнению, религиозный язык белорусских татар может быть охарактеризован как «социолект», развившийся в виде дополнения к стандартному языку, а не в качестве альтернативы. Татары ввели некоторое количество ориентализмов (преимущественно исламская терминология) в свой вариант белорусского языка.. В отдельных славянских лексемах произошли семантические сдвиги (например, «спáсенне» в значении «награда», «пець» в значении «декламировать») [Akiner, 2009: 352; Несцяровіч, 2025: 211–214]. Иногда встречаются славянские лексемы, не зафиксированные в других источниках [Akiner, 2009: 356–360] (например, *судзицель* – «судья» [Akiner, 2009: 188], *адпосьнікацца* – «закончить пост» [Akiner, 2009: 286].

Белорусский язык в настоящее время сохраняется в качестве разговорного у части татарского населения преимущественно в сельской местности.

3.3.2 Польский язык

Польский язык в рукописях белорусских татар представлен в форме территориального варианта, получившего распространение на белорусских землях ВКЛ, так называемой *польщицзе крэсовой* (*polszczyzna kresowa*). Польские тексты, как и белорусские, встречаются уже в таких манускриптах XVII в., как Минский тафсир 1686 г. (P214), Лейпцигский хамаил (первый аллигат, состоящий из девяти листов), Псковский Коран (глоссы⁵⁸). Минский тафсир интересен еще и тем, что в нем содержится самый ранний список польского перевода Корана. Этот перевод, судя по колофону в манускрипте, был сделан во второй половине XVII в. имамом мусульманской общины города Минска Урьяшем ибн Исмаилом [Drozd, 2004; Тарэлка, 2006;

⁵⁸ О глоссах в Псковском Коране см. [Тарэлка, 2013].

Сеўрук, 2015]. Нельзя также исключить (с учетом косвенных данных), что польскоязычные тексты могли быть у татар ВКЛ уже в XVI в. [Łapicz, 1986: 62–64; Тарэлка и др., 2009: 22].

Язык изученных и опубликованных арабографических польских текстов содержит ряд фонетических, морфологических и синтаксических особенностей, характерных для польских сельских говоров Вильнюсского края, возникших в результате адаптации регионального варианта польского литературного языка Великого княжества Литовского. Таким образом, польский язык в рукописях татар ВКЛ можно определить как устную форму регионального варианта польского литературного языка, получившего вторичную (арабографическую) фиксацию.

3.4 Другие языки

3.4.1 Литовский язык

Несмотря на название – *литовские* татары – и исторические свидетельства⁵⁹ об использовании татарами литовского разговорного языка, в их рукописном наследии литовский язык практически отсутствует. В настоящее время известен только один небольшой текст на этом языке – заклинание от укуса змеи [Tarelka et al., 2014]. В остальном – это отдельные случаи возможного влияния литовской фонетической системы (например, **qce** [kse] вместо [hse] «хочет» по причине отсутствия в литовском языке звука [h]).

3.4.2 Персидский язык

Указание на связи письменного наследия татар ВКЛ с персидской литературой можно найти уже среди самых ранних рукописей. В Казанском китабе (XVII в.) можно прочесть, что один из текстов является переводом «с фарсийского и турецкого языков» (Мәжмуга, 1645, с. 41). О спорадически встречающихся персидских текстах писал польский исследователь А. Дрозд [Drozd, 1993: 48]. В хамаилах действительно можно встретить молитвенные тексты, которые могут быть охарактеризованы как персидские⁶⁰. В некоторых рукописях встречается текст с числами на персидском языке, хотя в самом тексте они называются «индийскими» (*liġbā mesončnā 'arābšqā tūrecqā 'ihindijsqā* «счет месяцев по-арабски, по-турецки и **по-индийски**» (л. 237a) (Тафсіры...2020, с. 82); *liġbā 'arāpsqā tūrecqā 'ihindišqā* «счет по-арабски, по-турецки и **по-индийски**» (л. 433b) (Тафсіры...2020, с. 123): *jek, du, se, čahor* и т.д.

⁵⁹ Иезуит Павел Бокша в 1611 г. утверждал, что татары знают три языка: польский, «русский» (т.е. белорусский) и литовский [Zakrzewski, 2005: 208]. Про это упоминалось также у Туган-Барановского [Tuhan-Baranowski, 1896: 67].

⁶⁰ См., например, в хамаилах, опубликованных на сайте philology.by под номерами 11 (с. 55a), 15 (с. 59b) и др.

4 | Заключение

Многоязычие рукописного наследия белорусских татар является закономерным результатом их этнокультурогенеза и различных культурных влияний как мусульманского мира, так и со стороны немусульманского населения, с которым татары взаимодействовали в рамках одного общественного устройства (со времен ВКЛ до современной Беларуси).

Присутствие арабоязычных текстов было обусловлено потребностями вероисповедания, но их использование могло и выходить за рамки собственно религиозного культа (например, применяться в знахарских практиках в качестве источников целительной силы). Тюркские тексты представлены преимущественно османско-турецкими и в незначительном количестве кыпчакскими. В связи с этим возникают вопросы:

1) Была ли у мигрантов, прибывавших в ВКЛ в XIV–XVII вв., собственная тюркоязычная письменность на их родных языках?

2) Каким образом к татарам ВКЛ попал столь значительный массив османской литературы, присутствие которой и в виде оригинальных текстов на турецком языке, и в форме переводных произведений отмечается уже в самых ранних манускриптах?

Арабографические тексты на славянских (белорусском и польском) языках представляют собой характерную особенность рукописного наследия белорусских татар. Эти материалы обладают особой ценностью в силу своей языковой уникальности; они значительно лучше зафиксировали разговорный белорусский язык, чем современные им кириллические и латинографические тексты XVII–XVIII вв., объем которых существенно уступает арабографическим рукописным материалам на том же языке. Несмотря на более чем столетнюю историю их изучения, манускрипты белорусских татар еще не исчерпали своего значения как уникальных источников для специалистов различных направлений (тюркологов, славистов, культурологов, религиоведов, этнологов).

ЛИТЕРАТУРА

- Александрович-Насыфи Дж.* (1927) Литовские татары как часть тюркского Востока // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. № 4. Баку. С. 185–189.
- Антонович А. К.* (1968) Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс. 418 с.
- Баскаков Н. А.* (1940) Ногайский язык и его диалекты. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 270 с.
- Баскаков Н. А.* (1969) Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа. 383 с.
- Баскаков Н. А.* (1981) Об унификации названий древних и средневековых письменных тюркских языков // Тюркологический сборник 1977. М. С. 21–26.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* (1950) Золотая Орда и её падение. М.; Л. 473 с.

- Дубинский А. И. (1972) Заметки о языке литовских татар // Вопросы языкознания. № 1. С. 82–88.
- Думин С. В. (1991) Татарские князья в Великом княжестве Литовском // Acta Baltico-Slavica. Vol. XX. P. 7–49.
- Дургут Х. (2015) О некоторых особенностях турецкой версии Мирадж-наме в китабе Ивана Луцкевича // Slavistica Vilnensis. Vol. 60. С. 133–145.
- Исхаков Д. М. (1983) Динамика численности татар в России в XVIII – начале XX вв. // География и культура этнографических групп татар в СССР. М. С. 43–64.
- Карский Е. Ф. (1962) Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области // Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М. С. 448–463.
- Мухлинский А. (1857) Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. СПб.: Типография Э. Веймара. 70 с.
- Несцяровіч В. І. (2015) «Мірадж-наме» з кітаба Абрагіма Хасяневіча (1832). Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава. 325 с.
- Несцяровіч В. І. (2023) Сергей Темчин. О волынском происхождении рукописного перевода Корана на польский язык по рукописям литовских татар XVII–XX веков: рэц. // Беларуская лінгвістыка. Вып. 89. С. 118–122.
- Самойлович А. Н. (1926) Литовские татары и арабский алфавит // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. № 3. Баку. С. 1–7.
- Сеўрук Дз. (2015) Прыпіскі рэлігійнага зместу на старонках мінскага тэфсіра 1686 г. (Р 214): спроба моўнага і рэлігійнаўчага аналізу // Беларусь і цюркско-ісламскі свет. 3 нагоды 615-годдзя ўзнікнення татарска-мусульманскай супольні на землях ВКЛ. Мінск: Беларуская навука. С. 116–125.
- Сеўрук Дз. (2024) «Джаўагіру-ль-іслам» (Сутнасці ісламу) – помнік асманскай рэлігійнай літаратуры XVII ст. у перакладах беларуска-польска-літоўскіх татараў // Пісьмовая спадчына татараў Вялікага Княства Літоўскага і яе гісторыка-культурны кантэкст. Мінск: Беларуская навука. С. 40–113.
- Сынкова І. (2012) Хрысціянскія матывы ў знахарскіх замовах беларускіх мусульман // Dialog chrześcijański-muzułmański. Klucz do wspólnej przyszłości / pod red. M. Lewickiej i Cz. Łapicza. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. S. 249–257.
- Тарэлка М. (2006) Калафоны Мінскага тафсіра 1098 / 1686 г. // Здабыткі. Вып. 8. Мінск. С. 34–43.
- Тарэлка М. (2011) Мова аднаго кітаба і старабеларуская кірылічная пісьмовая традыцыя // Беларуская лінгвістыка. Вып. 66. С. 33–40.
- Тарэлка М. У. (2013) Пскоўскі Каран 1093 / 1682 г. Новыя звесткі // Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze. Toruń. С. 291–306.
- Тарэлка М. У. (2024) Рукапісы Аляксандра (Алі) Адамовіча – імама мядзельскай мячэці: праблемы каталагізацыі і навуковага апісання // Пісьмовая спадчына татараў Вялікага Княства Літоўскага і яе гісторыка-культурны кантэкст. Мінск: Беларуская навука. С. 123–202.
- Темчин С. Ю. (2020) О волынском происхождении рукописного перевода Корана на польский язык по рукописям литовских татар XVII–XX веков // Острозька давнина. Вип. 7. Острог. С. 152–158.
- Тенишев Э. Р. (1997) Разговорный язык литовско-польско-белорусских татар XV–XVI вв. // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 56, № 6. С. 3–8.
- Черенков Л. Н. (1983) Из этнической истории литовских татар // География и культура этнографических групп татар в СССР. М. С. 65–74.
- Akiner Sh. (2009) Religious Language of a Belarusian Tatar Kitab. A Cultural Monument of Islam in Europe. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. XXVII, 457 p.

- Drozd A.* (1993) Chamaíl Sobolewskiego // *Rocznik Tatarów Polskich*. S. 48–62.
- Drozd A.* (1997) Wpływy chrześcijańskie na literaturę Tatarów w dawnej Rzeczypospolitej // *Pamiętnik Literacki*. Rocz. 88, zesz. 3. S. 3–34.
- Drozd A.* (1999) Arabskie teksty liturgiczne w przekładzie na język polski XVII wieku. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie DIALOG. 199 s.
- Drozd A.* (2004) Koran staropolski. Rozważania w związku z odkryciem tefsiru mińskiego z 1686 roku // *Rocznik Biblioteki Narodowej*. T. XXXVI. Warszawa. S. 237–250.
- Drozd A., Dziekan M. M., Majda T.* (2000) Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Warszawa: Res Publica Multiethnica. 84 s.
- Jankowski H.* (2015) Cechy graficzne i językowe tekstów turkijskich w zapisie kopistów polsko-tatarskich // *Tefsir Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego. Teoria i praktyka badawcza* / red. J. Kulwicka-Kamińska, Cz. Łapicz. Toruń. S. 139–172.
- Klucz do raju. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku* (2000) / w przekładzie i opracowaniu H. Jankowskiego i Cz. Łapicza. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie DIALOG. 256 s.
- Kryczyński S.* (1938) Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej // *Rocznik Tatarski*. T. 3. S. 1–318.
- Łapicz Cz.* (1986) Kitab Tatarów litewsko-polskich (paleografia, grafia, język). Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika. 236 s.
- Łapicz Cz.* (1991) Trzy redakcje językowe muzułmańskiej legendy w piśmiennictwie Tatarów litewsko-polskich // *Acta Baltico-Slavica*. Vol. XX. S. 155–167.
- Stankiewicz J.* (1933–1934) Příspěvky k dějinám běloruského jazyka na základě rukopisu „Al-Kitab” // *Slavia*. Roč. XII. S. 357–390.
- Suter P.* (2004) *Alfurkan Tatarski. Der litauisch-tatarisch Koran-Tefsir*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag. 555 p.
- Szapszał H. S.* (1932) O zatraceniu języka ojczystego przez Tatarów w Polsce // *Rocznik Tatarski*. № 1. S. 34–47.
- Talko-Hryniewicz J.* (1924) Muślimowie czyli tak zwani Tatarzy litewscy. Kraków. 126 s.
- Tarelka M., Temčinas S.* (2014) Lithuanian incantation in Arabic script from a Tatar manuscript // *Acta Linguistica Lithuanica*. Vol. LXXI. P. 11–22.
- Tuhan-Baranowski M.* (1896) O muślimach litewskich. Z notat i przekładów litewskiego Tatarza (wydanie pośmiertne Antoniego Krumana). Warszawa. 72 s.
- Tyszkiewicz J.* (1989) Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa: PWN. 343 s.
- Wexler P.* (1973) Jewish, Tatar and Karaite communal dialects and their importance for Byelorussian historical linguistics // *The Journal of Byelorussian Studies*. Vol. III, No. 1. London. P. 41–54.
- Woronowicz A.* (1935) Szczątki językowe Tatarów litewskich // *Rocznik Tatarski*. № 2. S. 351–366.
- Zajączkowski A.* (1935) Elementy tureckie na ziemiach polskich // *Rocznik Tatarski*. № 2. S. 199–227.
- Zajączkowski A.* (1951) Tak zwany chamaíl tatarski ze zbioru rękopisów w Warszawie // *Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności*. T. LII, nr 4. S. 307–313.
- Zakrzewski A. B.* (2005) Islam między Wschodem a Zachodem: Tatarzy w Wielkim Księstwie Litewskim, XVI–XVIII w. // *Między Zachodem a Wschodem. Etniczne, kulturowe i religijne pogranicza Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku* / pod red. K. Mikulskiego i A. Zielińskiej-Nowickiej. Toruń: Wydawnictwo MADO. S. 203–215.

ИСТОЧНИКИ

- Матвей Меховский (1936) Трактат о двух Сарматиях. М. –Л. : АН СССР. XI, 288 с.
[Мэжмуга] (1645) Режим доступа: <https://repo.kpfu.ru/jspui/handle/net/15715> Дата обращения: 25.02.2026.
Тафсіры кітабы і хамаілы з прыватных кнігазбораў Беларусі. Каталог (2020); укл. М.Тарэлка. Мінск : Беларуская навука. 203 с.

REFERENCES

- Alexandrovich-Nasyfi, J. (1927) Litovskiye tatory kak chasc turkского Vostoka [Lithuanian Tatars as part of the Turkic East], *Izvestiya obshchestva obsledovaniya i izucheniya Azerbajdzhana* [News of the Society for the Survey and Study of Azerbaijan], no. 4, pp. 185–189. (In Russian).
- Antonovich, A.K. (1968) *Beloruskije teksty, pisannyje arabskim pismom, i ich grafiko-ortfograficheskaja sistema* [Belarusian texts written in Arabic script and their graphic and orthographic system]. Vilnius. 418 p. (In Russian).
- Baskakov, N.A. (1940) *Nogajskij jazyk i jeho dialekty* [Nogai language and its dialects]. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 270 p. (In Russian).
- Baskakov, N.A. (1969) *Vvedeniye v izuczeniya turkskich jazykov* [Introduction to the study of Turkic languages]. Moscow: Vysshaya shkola. 383 p. (In Russian).
- Baskakov, N.A. (1981) Ob unifikacii nazvanij drevnih i srednevekovykh pismennykh turkskich jazykov [On the unification of the names of ancient and medieval written Turkic languages]. In: *Turkologicheskij sbornik 1977* [Turkological Collection 1977]. Moscow, pp. 21–26. (In Russian).
- Grekov, B.D. and Jakubovskij, A.Y. (1950) *Zolotaja Orda i jeho padeniye* [The Golden Horde and its fall]. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 473 p. (In Russian).
- Dubinskij, A.I. (1972) Zametki o jazyke litovskich tatar [Notes on the language of the Lithuanian Tatars], *Voprosy jazykoznanija* [Issues in Linguistics], no. 1, pp. 82–88. (In Russian).
- Dumin, S.V. (1991) Tatarskije knazja v Velikom knazestve Litovskom [Tatar princes in the Grand Duchy of Lithuania], *Acta Baltico-Slavica*, vol. 20, pp. 7–49. (In Russian).
- Durgut, Ch. (2015) O nekotorych osobennostach tureckoj versii Miraj-name v kitabe Ivana Lickevicha [On some features of the Turkish version of the Miraj-name in Ivan Lutskevich's kitab], *Slavistica Vilnensis*, vol. 60, pp. 133–145. (In Russian).
- Ischakov, D.M. (1983) Dinamika chislennosti tatar v Rosii v XVIII – nachale XX vv. [Dynamics of the Tatar population in Russia in the 18th – early 20th centuries]. In: *Geografija i kultura etnograficheskikh grupp tatar v SSSR* [Geography and culture of ethnographic groups of Tatars in the USSR]. Moscow, pp. 43–64. (In Russian).
- Karskij, E.F. (1962) Kulturnije zavojevanija russkogo jazyka v starinu na zapadnoj okraine jeho oblasti [Cultural conquests of the Russian language in ancient times on the western outskirts of its region]. In: *Trudy po belorusskomu i drugim slavanskim jazykam* [Works on Belarusian and other Slavic languages]. Moscow, pp. 448–463. (In Russian).
- Muchlinskij, A. (1857) *Issledovanie o proischozhenii i sostojanii litovskich tatar* [A study on the origin and status of the Lithuanian Tatars]. St. Petersburg: Tipografija E. Vejmara. 70 p. (In Russian).
- Nescarovich, V.I. (2015) “Miraj-name” z kitaba Abrahima Chasanevicha (1832) [“Miraj-name” from the kitab of Abraham Chasanevich (1832)]. Vicebsk: VDU ima P.M. Masherava. 325 p. (In Belarusian).
- Nescarovich, V.I. (2023) Review of: Sergej Temchin. *O volynskom proischozhenii rukopisnogo perevoda Korana na polskij jazyk po rukopisam litovskich tatar XVII–XX vekov* [Sergej

- Temchin. On the Volynian origin of the handwritten translation of the Koran into Polish based on the manuscripts of Lithuanian Tatars of the 17th–20th centuries], *Belaruskaja linhvistyka* [Belarusian Linguistics], issue 89, pp. 118–122. (In Belarusian).
- Samojlovich, A.N. (1926) Litovskije tatary i arabskij alfavit [Lithuanian Tatars and the Arabic alphabet], *Izvestija obshchestva obsledovaniya i izucheniya Azerbajdzhana* [News of the Society for the Survey and Study of Azerbaijan], no. 3, pp. 1–7. (In Russian).
- Sewruk, Dz. (2024) “Jawahiru-l-islam” (Sutnasci islamu) – pomnik asmanskaj relihijnaj litaratury XVII st. u perakladach belarуска-polska-litowskich tataraw [“Jawahiru-l-Islam” (The Essence of Islam) – a monument of Ottoman religious literature of the 17th century in translations by Belarusian-Polish-Lithuanian Tatars]. In: *Pismovaja spadchyna tatarau Valikaha Knastva Litouskaha i jaje historyka-kulturny kantekest* [The written heritage of the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania and its historical and cultural context]. Minsk: Belaruskaja navuka, pp. 40–113. (In Belarusian).
- Sewruk, Dz. (2015) Prypiski relihijnaha zместu na staronkach minskaha tefsir 1686 h. (P 214): sproba mounaha i relihijaznauchaha analizu [Religious notes on the pages of the Minsk Tafsir of 1686 (P 214): An attempt at linguistic and religious studies analysis]. In: *Belarus i curkska-islamski svet. Z nahody 615-hoddza uzniknenna tatarska-musulmanskaj supolnasci na zemlach VKL* [Belarus and the Turkic-Islamic world. On the occasion of the 615th anniversary of the emergence of the Tatar-Muslim community on the lands of the Grand Duchy of Lithuania]. Minsk: Belaruskaja navuka, pp. 116–125. (In Belarusian).
- Synkova, I. (2012) Chryscijanskija matyvy u znacharskich zamovach belaruskich musulman [Christian motifs in the witchcraft spells of Belarusian Muslims]. In: *Dialog chrześcijańsko-muzułmański. Klucz do wspólnej przyszłości*. Edited by M. Lewicka and Cz. Łapicz. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, pp. 249–257. (In Belarusian).
- Tarelka, M. (2006) Kalafony Minskaha tafsira 1098/1686 h. [Colophons of the Minsk Tafsir 1098/1686], *Zdabytki*, issue 8, pp. 34–43. (In Belarusian).
- Tarelka, M. (2011) Mova adnaho kitaba i starabelaruskaja kirylichnaja pismovaja tradycyja [The language of one kitab and the Old Belarusian Cyrillic written tradition], *Belaruskaja linhvistyka* [Belarusian Linguistics], issue 66, pp. 33–40. (In Belarusian).
- Tarelka, M. (2013) Pskouski Karan 1093/1682 h. Novyja zvestki [Pskov Koran 1093/1682. New information]. In: *Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze*. Toruń, pp. 291–306. (In Belarusian).
- Tarelka, M. (2024) Rukapisy Alaksandra (Ali) Adamovicha – imama madzelskaj macheci: prablemy katalahizaciji i navukovaha apisanna [Manuscripts of Alexander (Ali) Adamovich – Imam of the Myadel Mosque: Problems of cataloguing and scientific description]. In: *Pismovaja spadchyna tatarau Valikaha Knastva Litouskaha i jaje historyka-kulturny kantekest* [The written heritage of the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania and its historical and cultural context]. Minsk: Belaruskaja navuka, pp. 123–202. (In Belarusian).
- Temchin, S.Y. (2020) O volynskom proischozdenii rukopisnogo perevoda Korana na polskij jazyk po rukopisam litovskich tatar XVII–XX vekov [On the Volynian origin of the handwritten translation of the Koran into Polish based on the manuscripts of Lithuanian Tatars of the 17th–20th centuries], *Ostrozka davnina*, issue 7, pp. 152–158. (In Russian).
- Tenishev, E.R. (1997) Razgovornyj jazyk litovsko-polsko-belorusskich tatar XV–XVI v. [Spoken language of the Lithuanian-Polish-Belarusian Tatars of the 15th–16th centuries], *Izvestija Akademii nauk. Serija literatury i jazyka* [Bulletin of the Academy of Sciences. Literature and Language Series], vol. 56, no. 6, pp. 3–8. (In Russian).
- Cherenkov, L.N. (1983) Iz etnicheskoi istorii litovskich tatar [From the ethnic history of the Lithuanian Tatars]. In: *Geografija i kultura etnograficheskich grupp tatar v SSSR* [Geography and culture of ethnographic groups of Tatars in the USSR]. Moscow, pp. 65–74. (In Russian).

- Akiner, Sh. (2009) *Religious Language of a Belarusian Tatar Kitab. A Cultural Monument of Islam in Europe*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. XXVII, 457 p.
- Drozd, A. (1993) Chamail Sobolewskiego [Chamail of Sobolewski], *Rocznik Tatarów Polskich* [Yearbook of Polish Tatars], pp. 48–62. (In Polish).
- Drozd, A. (1997) Wpływy chrześcijańskie na literaturę Tatarów w dawnej Rzeczypospolitej [Christian influences on Tatar literature in the former Polish-Lithuanian Commonwealth], *Pamiętnik Literacki* [Literary Diary], vol. 88, no. 3, pp. 3–34. (In Polish).
- Drozd, A. (1999) *Arabskie teksty liturgiczne w przekładzie na język polski XVII wieku* [Arabic liturgical texts translated into 17th-century Polish]. Warsaw: Wydawnictwo Akademickie DIALOG. 199 p. (In Polish).
- Drozd, A. (2004) Koran staropolski. Rozważania w związku z odkryciem tefsiru mińskiego z 1686 roku [The Old Polish Quran. Reflections on the discovery of the Minsk Tafsir of 1686], *Rocznik Biblioteki Narodowej* [Yearbook of the National Library], vol. 36, pp. 237–250. (In Polish).
- Drozd, A., Dziekan, M.M. and Majda, T. (2000) *Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich* [Literature and muhirs of the Polish-Lithuanian Tatars]. Warsaw: Res Publica Multiethnica. 84 p. (In Polish).
- Jankowski, H. (2015) Cechy graficzne i językowe tekstów turkijskich w zapisie kopistów polsko-tatarskich [Graphic and linguistic features of Turkic texts as written by Polish-Tatar copyists]. In: J. Kulwicka-Kamińska and Cz. Łapicz (eds.), *Tefsir Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego. Teoria i praktyka badawcza* [Tafsir of the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania. Research theory and practice]. Toruń, pp. 139–172. (In Polish).
- Klucz do raju. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku* [The Key to Paradise: A book of the 18th-century Lithuanian-Polish Tatars]. (2000). Translated and edited by H. Jankowski and Cz. Łapicz. Warsaw: Wydawnictwo Akademickie DIALOG. 256 p. (In Polish).
- Kryczyński, S. (1938) Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej [Lithuanian Tatars: An attempt at a historical-ethnographic monograph], *Rocznik Tatarski* [Tatar Yearbook], vol. 3, pp. 1–318. (In Polish).
- Łapicz, Cz. (1986) *Kitab Tatarów litewsko-polskich (paleografia, grafia, język)* [Kitab of the Lithuanian-Polish Tatars (paleography, writing system, language)]. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika. 236 p. (In Polish).
- Łapicz, Cz. (1991) Trzy redakcje językowe muzułmańskiej legendy w piśmiennictwie Tatarów litewsko-polskich [Three linguistic versions of a Muslim legend in the writings of the Lithuanian-Polish Tatars], *Acta Baltico-Slavica*, vol. 20, pp. 155–167. (In Polish).
- Stankiewicz, J. (1933–1934) Příspěvky k dějinám běloruského jazyka na základě rukopisu „Al-Kitab” [Contributions to the history of the Belarusian language based on the manuscript “Al-Kitab”], *Slavia*, vol. 12, pp. 357–390. (In Czech).
- Suter, P. (2004) *Alfurkan Tatarski. Der litauisch-tatarisch Koran-Tefsir* [The Lithuanian-Tatar Quran Tafsir]. Köln–Weimar–Wien: Böhlau Verlag. 555 p. (In German).
- Szapszał, H.S. (1932) O zatraceniu języka ojczystego przez Tatarów w Polsce [On the loss of their native language by the Tatars in Poland], *Rocznik Tatarski* [Tatar Yearbook], no. 1, pp. 34–47. (In Polish).
- Talko-Hryniewicz, J. (1924) *Muślimowie czyli tak zwani Tatarzy litewscy* [The Muslims, or the so-called Lithuanian Tatars]. Kraków. 126 p. (In Polish).
- Tarelka, M. and Temčinas, S. (2014) Lithuanian incantation in Arabic script from a Tatar manuscript, *Acta Linguistica Lithuanica*, vol. 71, pp. 11–22.
- Tuhan-Baranowski, M. (1896) *O muślimach Litewskich. Z notat i przekładów litewskiego Tatara (wydanie pośmiertne Antoniego Krumana)* [On Lithuanian Muslims. From notes and

- translations of a Lithuanian Tatar (posthumous edition by Antoni Kruman)]. Warsaw. 72 p. (In Polish).
- Tyszkiewicz, J. (1989) *Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w.* [Tatars in Lithuania and Poland. Studies in the history of the 13th–18th centuries]. Warsaw: PWN. 343 p. (In Polish).
- Wexler, P. (1973) Jewish, Tatar and Karaite communal dialects and their importance for Byelorussian historical linguistics, *The Journal of Byelorussian Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 41–54.
- Woronowicz, A. (1935) Szczątki językowe Tatarów litewskich [Linguistic remains of the Lithuanian Tatars], *Rocznik Tatarski* [Tatar Yearbook], no. 2, pp. 351–366. (In Polish).
- Zajączkowski, A. (1935) Elementy tureckie na ziemiach polskich [Turkish elements in Polish lands], *Rocznik Tatarski* [Tatar Yearbook], no. 2, pp. 199–227. (In Polish).
- Zajączkowski, A. (1951) Tak zwany chamail tatarski ze zbioru rękopisów w Warszawie [The so-called Tatar chamail from the manuscript collection in Warsaw], *Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności* [Reports on the activities and meetings of the Polish Academy of Arts and Sciences], vol. 52, no. 4, pp. 307–313. (In Polish).
- Zakrzewski, A.B. (2005) Islam między Wschodem a Zachodem: Tatarzy w Wielkim Księstwie Litewskim, XVI–XVIII w. [Islam between East and West: Tatars in the Grand Duchy of Lithuania, 16th–18th centuries]. In: K. Mikulski and A. Zielińska-Nowicka (eds.), *Między Zachodem a Wschodem. Etniczne, kulturowe i religijne pogranicza Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku* [Between West and East: The ethnic, cultural, and religious borderlands of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16th–18th centuries]. Toruń: Wydawnictwo MADO, pp. 203–215. (In Polish).

SOURCES

- Matvej Mechovskij (1936) *Traktat o dwóch Sarmatijach* [Treatise on the Two Sarmatias]. – M.-L. : AN CCCP. XI, 288 p.
- Мэжмуга (1645). Available at: <https://repo.kpfu.ru/jspui/handle/net/15715> (Accessed: 25 February 2026).
- Tafsiry, kitaby i chamaily z pryvatnych knihazborav Belarusi. Kataloh; ukl. M.Tarelka* [Tafsirs, Kitabs and Khamails from Private Book Collections in Belarus. Catalogue; compiled by M.Tarelka] (2020) Minsk : Belaruskaja navuka. 203 p.

Ирина А. Сынькова

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь.

Адрес для корреспонденции:
220072 Республика Беларусь,
г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2.

Эл. адрес: isynkova@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0002-3657-9435>

Irina A. Synkova

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher,
Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus.

Correspondence address:
1/2 Surganova Street,
Minsk 220072,
Republic of Belarus.

Email address: isynkova@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0002-3657-9435>

Михаил В. Тарелко

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь.

Адрес для корреспонденции:
220072 Республика Беларусь,
г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2.

Эл. адрес: tarelko_michael@yahoo.com
<https://orcid.org/0009-0003-3881-3007>

Michail V. Tarelko

Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher,
Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus.

Correspondence address:
1/2 Surganova Street,
Minsk 220072,
Republic of Belarus.

Email address: tarelko_michael@yahoo.com
<https://orcid.org/0009-0003-3881-3007>

Для цитирования: *Сынкова И.А., Тарелко М. В.* Многоязычие письменного наследия белорусских татар // Социоллингвистика. 2026. № 2. С.138–160. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-07

For citation: *Synkova I.A., Tarelko M.V.* Multilingualism of the written heritage of the Belarusian Tatars // Sociolinguistika. 2026. No. 2. Pp. 138–160. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-07

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 02.10.2025;
approved after reviewing 10.06.2026;
accepted for publication 30.08.2026.